

под лозунгами объединения Германии и развития в ней буржуазно-демократических прав и свобод.

⁴³ Дитятин И. И. К истории Городового положения 1870 г. Кн. 2. С. 210.

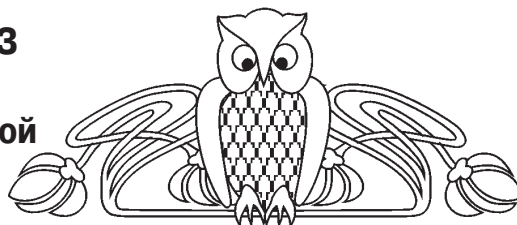
⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Практика применения Городового положения 1870 г. в

таком крупном городе Российской империи, как Саратов показала, что избирателями становились даже те, кто вносил буквально несколько копеек налогов в год. См.: Зайцев М. В. Муниципальные выборы и состав Саратовской городской думы в 1871–1892 годах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2007. Т. 7, вып. 1. С. 38–48.

УДК 94(47).083+929

ЗАКАТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, ИЛИ ОБРАЗ ВЛАСТИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В работе с использованием материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства предпринята попытка анализа деловых и морально-психологических качеств некоторых ключевых фигур царского режима, составивших характерные черты образа власти последних лет правления Николая II.

Ключевые слова: Российская империя, образ власти, Чрезвычайная следственная комиссия.

Sunset Russian Empire or Image Power Revolutionary Era (on Materials Extraordinary Commission of Inquiry Provisional Government)

Yu. V. Varfolomeev

In this paper, using materials of the Extraordinary Commission of Inquiry Interim Government an attempt is made to analyze the professional and moral and psychological qualities of some key figures in the Tsarist regime, formed the characteristic features of the image power in recent years the reign of Nicholas II.

Key words: Russian Empire, an image of authority, Extraordinary Commission.

На протяжении всего царствования Николая II постоянно находился под тем или иным внешним влиянием. Самым постоянным и сильным из них следует, безусловно, признать влияние его жены – императрицы Александры Федоровны. Однако в последнее десятилетие его правления, и особенно после гибели премьер-министра П. А. Столыпина, стало заметным влияние на него реакционных, так называемых безответственных и «темных» сил. А. И. Гучков определил «три гнезда» этих реакционных сил: во-первых, – придворные сферы – камарилья¹; во-вторых, – группа высших бюрократов, которые объединились в виде правого крыла в Государственном совете, и, в-третьих, – так называемое объединенное дворянство². Последняя сила, конечно, не являлась выразителем интересов всего дворянского

сословия, а только его части – наиболее консервативной верхушки, и напрямую не входила в состав законодательных учреждений, но, тем не менее, оказывала существенное влияние на политику правительства.

Впервые развернутую характеристику так называемых безответственных сил дал лидер октябристов Гучков. «При первых моих соприкосновениях с верховной властью и с представителями власти правительственной я пришел к убеждению, – заявил он на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК), – хотя это убеждение и не ново, что в нашей государственной жизни играют решающую роль не те видимые носители власти, которые представляют собой как бы ее фасад, а закулисные силы, которые, конечно, находят себе пристанище в разных центрах, но, главным образом, прочное гнездо свили себе в дворцовых сферах, откуда они невидимо управляют судьбами России и действиями официальных представителей власти»³.

Та же самая картина вырисовывалась и в вопросах внутренней политики. Даже представители либерально-консервативных сил не сомневались в том, что правительство в лице П. А. Столыпина, хотя и расходилось с радикальными требованиями самых нетерпеливых кругов русского общества, все-таки ставило перед собой весьма прогрессивные задачи, реализация которых привела бы к значительным улучшениям и в государственном управлении, и в хозяйственно-экономической сфере. «Но здесь точно так же мы замечаем ту же борьбу закулисных влияний с видимыми носителями власти, – отмечал А. И. Гучков, – и по мере того, как страх перед переворотом отходит в область истории, крепнут и растут эти элементы реакции»⁴. Таким образом, официальной власти в лице Столыпина, пытавшейся путем взаимных уступок добиться чего-нибудь существенного в осуществлении реформаторского курса, приходилось вести тяжелую борьбу с безответственными силами и, к сожалению, сдавать одну позицию за

другой. Гучков считал, что эта политика компромиссов, проводимая главой правительства, была ошибочной. «Может быть, надо было послушаться моих советов, – полагал лидер октябристов, – дать бой и порвать с этими влияниями; но ответственность за реакционную политику, ознаменовавшую эти годы, приходится перекинуть все-таки на сторону безответственных влияний и главным образом влияний придворных»⁵.

Когда речь зашла о «безответственных придворных кругах», то в первую очередь ЧСК заинтересовал вопрос: входили ли в эти сферы великие князья? Гучков по этому вопросу высказался весьма однозначно: «Несомненно, – заявил он. – Я считаю их чрезвычайно ответственными за состояние нашей обороны и нашего военного дела. Но, как вы сами знаете, за последние годы их роль во внутренней нашей жизни была сведена на нет, потому что на их место стали совсем другие лица, потому что, по отношению к ним образовалась оппозиция, и они сами были взяты под подозрение»⁶.

В то же время протопресвитер русской армии Г. И. Шавельский считал, что влияние великих князей на императора было незначительным: «они очень боялись и в решительный момент прятались за спины других»⁷, – пояснял он, и в доказательство малозначительности и никчемности великих князей приводил мнение о них герцога Лейхтенбергского: «Владимировичи – шалопаи и кутилы; Михайловичи – стяжатели, Константиновичи – в большинстве какие-то несуразные. Все они обманывают государя и прокучивают российское добро». В примечании Шавельский уточнял: «Я сильно смягчаю фактические выражения герцога»⁸. Принимая все это во внимание, Аврех предполагал, что если бы великие князья были «...действительными политическими фигурами, пользующимися авторитетом и весом в определенных политических кругах, обладай они способностью сколь-нибудь широко мыслить и действовать, стать в критическую для строя минуту выше собственных шкурных интересов – одним словом, не будь они мелкой, ничтожной, паразитарной, выродившейся кучкой, царь просто не смог бы не посчитаться с их мнением и требованиями»⁹.

Между тем великие князья традиционно находились во главе Главных управлений русской армии, и эти ведомства становились, по сути, их «удельными княжествами», как метко выразился А. И. Гучков. Когда правительство П. А. Столыпина при поддержке думского центра приступило к реформам в армии, то они очень скоро убедились в том, что никаких преобразований, сколько-нибудь серьезных, нельзя провести при том строе военного ведомства. Любой важный вопрос, касавшийся военной политики, а тем более крупных реформ в этой сфере, неизменно замыкался на Совет государственной обороны под председательством великого князя Николая Николаевича. «Убедить

в необходимости реформ военное ведомство, убедить народное представительство – этого было недостаточно, – уточнял Гучков, – нужно было преодолевать еще и симпатии или антипатии, возражения или предрассудки того или другого из великих князей, стоявших во главе ведомства, и затем еще все это провести через инстанцию совета государственной обороны, находившейся под председательством Вел. кн. Николая Николаевича...»¹⁰

По мнению великого князя Александра Михайловича, его двоюродный брат великий князь Николай Николаевич имел в императорской семье самое большое влияние на государственные дела. «Два важнейших акта в истории России – манифест 17 октября 1905 года и отречение Императора Николая II 2 марта 1917 года, – считал он, – следует приписать полнейшей аберрации политического предвидения Великого князя Николая Николаевича»¹¹. В то же время он резонно указывал на слабости Николая Николаевича как политика, который, по его мнению, «терялся во всех сложных политических положениях, где его манера повышать голос и угрожать наказанием не производила желаемого эффекта. Всеобщая забастовка в октябре 1905 года поставила его в тупик, так как кодекс излюбленной им военной мудрости не знал никаких средств против коллективного неповиновения»¹².

Практика политической жизни царской России показывала, что вокруг великих князей, как правило, вращались люди корыстные и недобропорядочные, пользовавшиеся неосведомленностью особ царской фамилии в том или ином вопросе, так как сами великие князья подчас или не хотели, или не имели возможности глубоко вникнуть и разобраться в той или иной проблеме. «К известным предрассудкам, известной рутине, которой они пропитаны, присосались еще всякие посторонние вредные влияния, – отмечал А. И. Гучков, – и когда мы толкнулись, в деле реформ, туда и сюда, и увидали, что не можем преодолеть препятствия, я выступил с речью по смете, где указал на вред присутствия безответственных людей и настаивал на их устранении»¹³.

Члены Государственной думы, в том числе и крайние правые, единогласно присоединились к формуле «об отстранении безответственных лиц из военного ведомства», которую предложил лидер октябристов, и это обстоятельство, несомненно, повлияло на то, что некоторые из великих князей тогда добровольно покинули свои посты, а влияние других если и не было сведено на нет, то, во всяком случае, ослабило их позиции. Вместо должностей начальников Главных управлений они были переведены на должности генерал-инспекторов и лишь с правом вмешательства в некоторые дела, например хозяйственные, соответствующих ведомств. Им было поручено наблюдение за общим ходом дел этих учреждений без права принимать соб-

ственные распоряжения. Между тем за великими князьями оставалось право доводить до сведения военного министра замеченные ими недостатки в военном устройстве, а также соображения о необходимости принятия тех или иных мер. Однако окончательное решение все равно оставалось за руководителем военного ведомства. В то время как великие князья Константин Константинович и Петр Николаевич подчинились решению императора и не только формально, но и фактически перешли на должности генерал-инспекторов, великий князь Сергей Михайлович по-прежнему оставался безраздельным хозяином артиллерийского ведомства и своим вмешательством вносил серьезный диссонанс в его работу.

Как ни значительны были непродуманные шаги и ошибки августейших родственников царя, все-таки наихудшее положение в военном ведомстве пришлось на время руководства им В. А. Сухомлиновым.

В ходе расследования дела Сухомлинова перед Президиумом ЧСК встала проблема юридической квалификации его деятельности на посту военного министра царского правительства. Предстояло ответить на главный вопрос: является ли его поведение изменой или только бездействием власти, повлекшим за собою тяжелые последствия? Следователи И. А. Кузмин и В. П. Носович усмотрели в этом лишь бездействие власти, а Президиум комиссии высказался за измену. А. Я. Аврех считал, что единственным следственным делом в активе комиссии по части измены было дело Сухомлинова. «Но и оно было мнимым, – пришел к заключению исследователь. – Обвинение Сухомлинова в государственной измене и шпионаже, так же как и С. Н. Мясоедова, было ложным. В отношении последнего это очень убедительно показал К. Ф. Шаццло¹⁴. А. Л. Сидоров, изучив материалы “дела Сухомлинова”, находившиеся в фонде ЧСК, также пришел к выводу, что тот не был шпионом»¹⁵.

Вместе с тем, эти выводы противоречат заключениям, сделанным членами комиссии. Например, такой въедливый и опытный правовед, как С. В. Завадский поддержал идею составления обвинительного акта в отношении Сухомлинова по признакам измены. Мотивируя свою позицию, он рассуждал так: «Не озаботиться достаточным запасом снарядов и вооружения во время войны, когда решается вся будущая судьба родины, слишком большая для военного министра небрежность и естественной признана быть не может; до такой степени бездействовать мог бы разве человек, или вовсе не сведущий в военном деле, или крайне ограниченный или поразительно легкомысленный¹⁶; ни тем, ни другим, ни третьим считать Сухомлинова у меня не было основания; а еще более подозрительной становится подобного рода беспечность, если не упустить из виду, что командование армии неустанно будило министра от сна...»¹⁷

Проблема квалификации дела военного министра находилась в центре внимания ЧСК в первые месяцы ее работы: «мы потратили много времени на обсуждение вопроса о дальнейшем направлении дела Сухомлинова»¹⁸, – засвидетельствовал Завадский. Канвой этого дела, несомненно, выступала измена, слухи о которой курсировали в различных слоях общества на протяжении нескольких лет. А. Я. Аврех справедливо указал на то, что «слухи об “измене” стали широко муссироваться по стране, начиная с момента галицийского разгрома и отступления весной и летом 1915 г. Здесь мы наблюдаем два параллельных, а иногда и перекрещивающихся потока слухов: в “низах” – в обывательской массе и в “верхах” – в помещичье-буржуазных и даже придворных кругах»¹⁹.

Между тем и среди сотрудников ЧСК были те, кто считал, что «сухомлиновское дело, как и все другие, тем более оказалось пуфом, материалов особых нет»²⁰, – так заявил в приватной беседе С. П. Мельгунову его друг – следователь комиссии Ф. П. Симсон²¹. Думается, что это мнение наглядно демонстрирует характерное разочарование, свойственное людям, рассчитывавшим увидеть в работе комиссии более грандиозные разоблачения.

Однако председатель ЧСК Муравьев не считал «пуфом» преступное равнодушие высших военных чиновников к обеспечению жизнедеятельности армии. На примере нескольких эпизодов комиссией была доказана преступная бездеятельность и халатность бывшего царского министра в ходе боевых действий периода Первой мировой войны. Подобное должностное преступление генерала Сухомлинова «...помимо сношения с каким-нибудь германским агентом, с нашей точки зрения, – отмечал председатель ЧСК, – еще глубже позволяет нам поставить обвинение по 108 ст., т. е., в государственной измене, т. е. в поспешествовании неприятелю во время военных действий». Таким образом, не заикливаясь на представленной в деле хитросплетенной шпионской паутине сухомлиновского дела, председатель ЧСК мотивированно указал на прямую связь должностного преступления царского министра с тяжелейшими поражениями русской армии на фронте. А это, несомненно, и есть не что иное, как пособничество неприятельским войскам, а значит – государственная измена.

Протоколы допросов некогда «сильных мира сего», ещё недавно вершивших судьбу Российской империи, представляют собой красноречивый материал, характеризующий личные качества и деятельность ключевых фигур власти павшей монархии. В этом отношении яркой иллюстрацией прогнившей бюрократической системы Российской империи может служить запечатленный сотрудниками ЧСК портрет И. Л. Горемыкина. Бывший председатель Совета министров, по мнению близко знавших его людей, не отличался качествами необходимыми политику столь высокого ранга. «Природный лентяй, – так характеризовал

его В. И. Гурко, и уточнял, – он не хотел никакого портфеля, а ограничиться проведением своих мыслей»²². Еще более убийственную характеристику подследственному дал секретарь комиссии А. А. Блок: «Горемыкин – полный рамолик, от него ничего не узнать, воли у него уже нет, не на что действовать <...> Горемыкин еще более деформирован»²³.

Вопреки этому наблюдению Аврех назвал Горемыкина «матерым царским бюрократором», хотя вынужден был при этом все-таки признать, что тот, «выражаясь спортивным языком, далеко не в лучшей форме, <...> очень умно и хитро держался на допросе», и которому, в итоге, председатель комиссии Муравьев «проиграл по всем статьям»²⁴. То, что бывший царский премьер находился «далеко не в лучшей форме», было сказано еще очень мягко. Он вообще, по образному выражению Блока, был «деформирован»! 78-летний старик был, очевидно, «расплющен» тяжелыми обстоятельствами и переживаниями, свалившимися на него. Его «пограничное» состояние между жизнью и смертью точно отобразил секретарь комиссии: «В паузах Горемыкин дремлет или вдруг уставится вперед тусклыми глазами и смотрит в смерть. <...> Горемыкин – полный рамолик»²⁵, от него ничего не узнать, воли у него уже нет...»²⁶, а С. В. Завадский дополнил к портрету Горемыкина еще несколько штрихов: «бедный старик имел жалко согбенный вид»²⁷.

Между тем полумаразматичный и полуживой старик, каким он запомнился очевидцам, предстал в изображении Авреха хитрым и умным дебатером, разбившим муравьевский тезис о делегировании царских полномочий. По версии уважаемого историка, получалось так, что «всякий раз, когда Муравьев заводил речь о “делегировании”, он попадал в трудное положение. Особенно насолил ему Горемыкин...»²⁸. Да, действительно, Горемыкин «насолил» председателю и в целом всей комиссии, но только тем, что не смог вразумительно ответить по существу ни на один из поставленных ему вопросов и ничего толком не сообщил комиссии. Этот факт предельно точно зафиксировал Блок: «От этого допроса ничего нельзя получить для комиссии...»²⁹ Горемыкин сомнамбулически твердил: «...дело шло “о числе, о числе”»³⁰. Но Муравьев, не теряя терпения, пытается втолковать бывшему главе правительства: «Видите ли, когда Государственная Дума находится в борьбе с правительством, тогда, во-первых, соглашение с председателем ее является пустым звуком: Дума ведь не желает расколоться; во-вторых, выбор числа не является выбором просто цифровым, а является выбором момента; Дума живет и борется с правительством, надо пресечь эту борьбу; выбор момента для пресечения предоставляет себе председатель совета министров»³¹.

Допрос Горемыкина по этой проблеме закончился тем же, чем и начался – увиливанием сановника от прямых и точных ответов на четко

и недвусмысленно сформулированные вопросы. Резюмируя показания допрашиваемого, Муравьев обратился к нему: «Да, вы (Николай II, И. Л. Горемыкин и др. министры. – Ю. В.) сговаривались раньше, но о чем же вы могли сговариваться, как не о том, что лучше, чтобы Дума поменьше работала, поменьше жила; в такой общей форме; между тем, закон требовал от вас иного»³². Что требовал от него, как от главы правительства, закон, Горемыкин так и не понял или сделал вид, что не понял, а в свойственной ему манере ответил – ни «да», ни «нет»: «Я вас понимаю, но дело в том, что я не знаю; может быть, это правда; но я ничего не могу сказать в настоящее время»³³.

Наряду с этим ЧСК заинтересовал вопрос о попытках безответственных сил, особенно в конце 1916 – начале 1917 г., поднять и возвысить до государственного значения реакционные, промонархические элементы. «Я говорил об этом в течение всего десятка лет, – заявил членам комиссии П. Н. Миллюков, – и для меня это было красной нитью всей моей политической борьбы, потому что я считал, что здесь главное зло. Куда бы мы ни уходили, мы возвращались к этому пункту»³⁴. Еще до войны, 26 апреля 1914 г., Миллюков, выступая с думской трибуны, обратил внимание общества на то, что «Теперь союз правительства с партией правительственного переворота совершается открыто и цинично»³⁵. Под «партией правительственного переворота» он имел в виду Союз Михаила Архангела. Особую озабоченность в либеральных кругах вызывала консолидация безответственных сил из «гнезда высших бюрократов правого крыла Государственного совета» с черносотенными элементами. В подтверждение оформления такого союза цитировались слова министра внутренних дел Н. А. Маклакова, сказанные им на приеме представителей черносотенной армии железнодорожников Всероссийского национального союза, которую создал министр путей сообщения С. В. Рухлов: «принимаю этот знак, а членом вашего союза я был и всегда буду»³⁶.

Миллюков всегда подозревал, где находятся корни такого рода элементов, и следил за внешними проявлениями, подбирая фактический материал. «Но мне всегда приходилось клеить мозаично из отдельных фактов, часто мелких, – признавался он. – Так что мои сведения апостериорны, они, скорее, догадки, чем сведения. Относительно Маклакова, для меня не было сомнения, что он стоял очень близко у источника, пользовался личным доверием, вкравшись в это доверие, когда ликвидировали Столыпина, что он ведет определенную линию, что он не может отступить ни на йоту. Поэтому я всегда старался его проверять, всегда старался подчеркивать психологию его выражений, которые он употреблял»³⁷.

В то же время главным вдохновителем правых направлений в правительстве и безответственных влияний, по мнению М. В. Родзянко, был последний министр торговли князь В. Н. Ша-

ховской. Это был убежденный сторонник правых течений, который очень враждебно относился к особому совещанию и к Государственной думе, и в частности к ее председателю. Правда уже в последнее время он всячески старался помириться с Родзянко и с Думой, но они на это не пошли, так как считали его влияние в правительстве крайне вредным. Были сведения о том, что отставка генерала А. А. Поливанова с поста военного министра произошла при непосредственном участии кн. Шаховского³⁸.

Внимание президиума ЧСК привлекла также деятельность так называемого кружка сенатора А. А. Римского-Корсакова, который они склонны были расценивать как неформальный центр координации безответственных влияний на политику правительства. Однако ни от одного ведущего и сведущего политика того времени – М. В. Родзянко, А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова получить какие-либо конкретные данные, подтверждающие эти предположения, комиссии не удалось. Они все как один утверждали, что деятельность этого кружка им малоизвестна.

Точно так же на вопрос председателя комиссии Н. К. Муравьева о политическом салоне Б. В. Штюрмера, который привел его к власти и около которого сосредоточились атаки на основные законы, Родзянко однозначно заявил, что ему этот салон неизвестен, и что он не понимает, зачем ему надо было заводить этот салон, «когда он через Распутина, без всякого салона, на одной этой кухне, мог все сделать великолепно. Я Штюрмера великолепно знаю по Новгородской губ., где он был губернатором. Он единственный губернатор, который уехал без проводов. Его никто не провожал, кроме хора оркестра пожарных, и то они играли какой-то марш из оперетки. Так что ему, для усиления политического влияния, не надо было салона, он был и так крепок в Александро-Невской лавре; ко мне монахи бегали и говорили, что Распутин все там сидит с Питиримом и Штюрмером. Я не думаю, чтобы этот салон имел значение. Теоретически я знал, что кружок Римского-Корсакова существует»³⁹.

Тем не менее, влияние этого кружка, своеобразного «теневого» правительства, на политическую жизнь страны было заметно. Из этих сфер в адрес императора регулярно направлялись записки, в которых резко оценивалась деятельность Государственной думы, а также высказывались предложения, как, например, в пресловутой записке М. Я. Говорухо-Отрока, об изменении Основных законов с целью политической программой в этом направлении. Не зная о закулисных маневрах безответственных сил, М. В. Родзянко, как и многим депутатам, в конце 1916 – начале 1917 г. стали известны слухи о грядущем усилении правого крыла Государственного совета после того, как в нем возобладало свободомыслящее направление. Указывали на то, что под подозрением оказался сенатор Н. С. Таганцев, а сенатору С. С. Ману-

хину правые, очевидно, «готовили чемодан для отъезда».

Председатель III Государственной думы А. И. Гучков, общаясь по должности с императором, всегда «чувствовал присутствие или помеху со стороны так называемых темных сил. Надо сказать, что все мои доклады, которые приходилось делать государю, происходили, конечно, с глазу на глаз, – вспоминал он. – С внешней стороны, они встречали всегда очень внимательное отношение, несмотря на то что заключали в себе всегда чрезвычайно тягостные элементы»⁴⁰. Принимая пост председателя Думы, Гучков поставил себе задачу доводить до сведения государя все то, о чем другие не решались или не хотели ему говорить, поэтому лидер октябристов открыто и прямо заявил Николаю II: «...я сделал свою специальностью говорить вам только тяжелые вещи. Я знаю, что вы окружены льдами, которые сообщают вам только приятное, так уж сохраните за мной эту монополию говорить вам только неприятное»⁴¹.

Надо отдать должное последнему самодержцу – он довольно терпеливо, не показывая неудовольствия, выслушивал от Гучкова, а затем и от М. В. Родзянко все удручающие, но достоверные сведения относительно реального положения дел в стране. Однако окончательного решения царь никогда сразу не принимал, считая, по-видимому, что это только одностороннее освещение проблемы, и предпочитал выслушать другие точки зрения при рассмотрении того или иного вопроса. Лидер центра неоднократно говорил императору о том положении, в котором находятся официальные представители власти, о том, что они бессильны в решении многих важных вопросов.

В ходе расследования влияния безответственных сил на Николая II и в целом политику страны почти осязаемыми становились их взаимодействия и связь с «темными» силами придворных кругов⁴². На одном из допросов в комиссии М. В. Родзянко подтвердил, что И. Г. Щегловитов пришел к власти и получил пост председателя Государственного совета через протекцию Г. Е. Распутина. «Говорили определенно, – вспоминал Родзянко. – Но Распутин эти дела делал очень ловко и сравнительно недорого. Даром он ничего не делал, а за соболью шапку, за соболью шубу»⁴³. Тогда председатель комиссии поинтересовался: «А до Государственной Думы доходило, министры платили Распутину небольшие, но все же вступные деньги?»⁴⁴. Родзянко осторожно, но все-таки согласился: «Об этом говорили, но я боюсь быть привлеченным за клевету <...> У нас было такое мнение, что вне собольей шубы или шапки это не идет»⁴⁵. Оказалось, что «идет»: предводитель «темных» сил был ценителем не только меховых изделий, но и безответственных политиков, а за свои «скромные услуги» получал от них знаки внимания, и самое главное, беспрекословную преданность. Н. К. Муравьев, основываясь на имею-

щихся в комиссии сведениях, подтвердил догадки Родзянко: «Некоторые из них это признали»⁴⁶.

Влияние «темных» сил стало особенно ощутимым в годы войны. Самым болезненным и губительным проявлением безответственных влияний для страны явилась «министерская чехарда». А. И. Гучков, хотя практически и не находился в то время в центре событий – в столице, а чаще всего на фронте, тем не менее, определил характерный признак этих бесконечных перестановок в правительстве: «Я не думаю, чтобы в смене этих лиц играли роль какие-нибудь серьезные государственные соображения, – считал он. – Это были совершенно случайные влияния, какое-нибудь вмешательство или то обстоятельство, что вмешательство запоздало, что и вызывало ту или другую перемену. Так что я отрицаю, чтобы тут был какой-нибудь определенный план. Были какие-то поиски случайных лиц, устранение негодных и поиски годных, но это не имело в основе своей государственного смысла»⁴⁷.

Трудно не согласиться с этой оценкой опытного политика, тем более что на самом деле никакого «государственного смысла» и плана в действиях безответственных и «темных» сил, очевидно, не было. Их деятельность преследовала, прежде всего, корыстные цели и решение банальной задачи – удержаться как можно дольше на вершине власти в непосредственной близости от царя и пользоваться его расположением. «Конечно, вся суть была в этих закулисных силах, – делал вывод Гучков. – Думаю, что эти силы, в сущности, и руководили верховной властью всецело. Я считаю, что верховная власть была в плену у этих сил; что касается их самих, то тут, несомненно, была целая масса всяких элементов, которые к этому источнику власти, исходящей от престола, присосались и делали свои дела. Я убежден, что всякие темные биржевые акулы тут тоже немалую роль играли»⁴⁸.

Одним из таких безответственных элементов, продвинутых на вершину власти распутинской кликой, был А. Д. Протопопов, получивший пост министра внутренних дел. М. В. Родзянко утверждал, что с 1915 г. начинается особенно агрессивное влияние Распутина, а наибольшей, наивысшей точки это влияние достигло в момент назначения Протопопова, когда император оказался непреклонен перед всеми доводами и уговорами председателя Думы по поводу отмены этого решения.

Во время допроса в ЧСК, когда речь зашла об этом эпизоде, Родзянко даже признался: «Немножко совестно, потому что никто так не обманулся в Протопопове, как я. Я должен сказать, что трансформация Протопопова была для меня ударом по голове, потому что предательства я меньше всего ожидал от Александра Дмитриевича. Протопопов в 3-й Думе занимал позицию чрезвычайно левого октябриста, близкого если не к кадетам, то, по крайней мере, к прогрессистам. Например, в рабочем вопросе он председательствовал в тор-

гово-промышленной комиссии. Когда проходил рабочий закон, он стоял на чрезвычайно левых нотах и всегда отстаивал интересы рабочего класса против промышленников, хотя сам промышленник. Затем, в 4-ю Думу он перешел с тем же настроением»⁴⁹.

Действительно, Протопопов зарекомендовал себя одним из видных представителей либерально-консервативных сил, и Родзянко даже рекомендовал Николаю II назначить его министром торговли и был убежден, что если бы он был поставлен на эту должность, то был бы на месте. «Это человек с большими знаниями, умный и чрезвычайно грамотный в этом деле, – считал Родзянко. – Сам промышленник, много изучал это дело, очень толковый. Он был председателем комиссии. Он был бы на месте в составе этого министерства, насколько я помню. Я попался впросак. Я думал, вот был бы наш человек, наш левый элемент, в этом составе правительства чрезвычайно левый. Таковы были мои соображения»⁵⁰.

Получается, что председатель Думы на самом деле попал впросак, так как А. Д. Протопопов был назначен не министром торговли, а внутренних дел, и твердо пошел на сближение с так называемым «салом Штюрмера», а, по сути, – с безответственными и «темными» силами. Для М. В. Родзянко это назначение и политическая метаморфоза, произошедшая с бывшим соратником, естественно, стали крайне неприятным сюрпризом, так как новый назначенец открыто перешел в лагерь правых сил. Родзянко был уверен, что этому способствовало определенное соглашение Протопопова и Б. В. Штюрмера, т. е. он принял все условия главы правительства, чтобы попасть к власти, «а предложение Штюрмера ясно, – уточнял Родзянко, – идти на правую сторону, давить, душить, тащить и не пущать»⁵¹.

Протопопов, чувствуя за собой вину, избегал встречи с председателем Думы, и когда вернулся из Ставки, долгое время скрывался от него. Поначалу Родзянко надеялся на то, что Протопопов откажется от этой должности, и жестко заявил ему: «Вы не будете, вы не имеете права, потому что, если вы становитесь министром внутренних дел и Штюрмер остается, это значит, что вы идете в союзе с ним, и, стало быть, изменяете вашему знамени и Государственной Думе. Вы меня подводите, вы всю Думу подводите, потому что она вас избрала в качестве человека известного направления, а вы идете под фирмой чуть ли не Союза Русского Народа»⁵². Протопопов смутился, но решения своего не изменил. 18 сентября 1916 г. он был назначен управляющим министерства внутренних дел, а в декабре – утвержден министром и главноначальствующим отдельного корпуса жандармов.

В ответ Родзянко занял по отношению к новому министру внутренних дел обструкционистскую позицию и публично не подавал ему руки при встрече. «Я никогда не стал бы подавать

руку человеку, который обманул, который ренегат и который нечистоплотен»⁵³, – пояснил свою непреклонную позицию Родзянко. При первом же свидании с А. Д. Протопоповым председатель Думы сразу принял агрессивный тон, и даже весь состав Думы готов был присоединиться к обструкции, если бы министр внутренних дел появился в Думе. Это отношение к ренегату разделял и коллега Родзянко – А. И. Гучков. «Если бы Протопопов был убежденный противник, если бы он добросовестно разделял совершенно противоположные мне или друзьям моим взгляды, то я бы нисколько не погнушался иметь с ним дело, как, например, с кн. Голицыным, который убежденный правый, человек честный, верящий в то, что его взгляды столь же справедливы, как я убежден в правильности моих, к такому противнику я мог бы питать уважение и не погнушался бы общением с ним, – рассуждал Гучков. – Но раз Протопопов сделал вольт от прогрессивного политического деятеля в этот лагерь, и не по убеждениям своим, а из соображений политической карьеры и внешнего благополучия, сделал не только вольт, но совершил его таким нечистым путем, через темных посредников, через Бадмаева, Распутина, Вырубову и т. д., это все, конечно, лишило его всякого уважения в моих глазах»⁵⁴.

Родзянко, не смягчая своего отношения к Протопопову, неоднократно публично, в присутствии всех министров, требовал от него, чтобы он подал в отставку, заявляя, что он – «причина озлобления и беспорядков»⁵⁵. Кроме того, Родзянко считал, что высокое назначение «...ему ударило в голову, причем чуть ли не с диктаторскими полномочиями. Колоссальная власть. Штюрмер перед ним трепетал...»⁵⁶ Подобное возвышение некогда либерального, а теперь крайне правого политика, Родзянко объяснял тем, что наибольшую силу в то время получали те, кто был приближен к императрице. «По совокупности разных фактов можно вывести заключение. Так что Протопопов был чрезвычайно силен»⁵⁷, – заключал он. Действительно, новоиспеченный министр внутренних дел вошел в такое доверие к императорской чете, что получил от них оригинальное прозвище «генерал Калинин», и в своей переписке царствующие супруги отзывались о нем весьма трепетно и благосклонно.

Между тем М. В. Родзянко пришел к выводу, что «самый вредный, самый страшный человек для государства, для этой разрухи оказался Протопопов. На меня все это производит такое впечатление, что последствия ужасные, но сделано это недостойным, незначительным человеком, потому что он больной человек, я это положительно утверждаю. У него мания величия, он какой-то ясновидящий, он видит, что к нему приближается власть, что он может спасти царя и Россию. Он как закатиет глаза, так делается как глухарь – ничего не понимает, не видит, не слышит. Я позволю себе утверждать, что это ненормальный человек»⁵⁸. В

другой раз Родзянко выразился на этот счет еще более определенно, заявив, что, бесспорно, считает Протопопова душевнобольным человеком, и приводил целый ряд фактов в подтверждение этого. Например, у него была необычайно странная манера общения: когда он что-то рассказывал, то закидывал голову назад, глаза закатывал вверх, и в экстазе говорил какую-то бессмыслицу.

Однажды на заседании у Родзянко Протопопов заставил всех собравшихся задуматься о его психическом здоровье: его ответы, манеры, поведение, его крайняя агитация, его странные вставки и замечания, как, например, его знаменитая фраза, адресованная П. Н. Милокову – «Анна Сергеевна добрее вас», или, – «Я спасу Россию. Я чувствую, что я призван вытащить Россию из беды, спасти <...> Вы не понимаете, они слишком раздражают, они меня не понимают. Я люблю своего государя», – все это показалось присутствующим необычайно странным и иступленным. А. И. Шингарев, врач по специальности, посоветовал тогда «спасителю отечества»: «Александр Дмитриевич, поезжайте домой и выпейте брома»⁵⁹.

В своем суждении о ненормальности последнего министра внутренних дел царской России Родзянко был не одинок. Шингарев также считал, что Протопопов человек не совсем нормальный, насколько он вменяем – это другой вопрос, но то, что в нем есть какие-то отклонения психики, замечали многие. «Это – истерия с ее странными формами или это психастения, я не специалист, но для меня ясно, что психика его не совсем нормальна, что вы имеете дело не со здоровым человеком, правильно воспринимающим действительность, и что в нем есть какие-то нелады, – утверждал Шингарев. – Откуда они, это виднее людям специально образованным в этой области, но я до сих пор думаю, что он не совсем психически нормален, и я это много раз говорил своим друзьям и знакомым»⁶⁰. Однажды, когда Шингарев встретился с профессором В. М. Бехтеревым, приехавшим в Думу по бюджетному вопросу, и пересказал ему свой разговор с Протопоповым, знаменитый психиатр, внимательно выслушав его, заметил: «да, кажется, Вы, верно поставили диагноз»⁶¹.

Гораздо сложнее было поставить диагноз всей прогнившей чиновно-бюрократической системе царской России, упорно толкавшей страну к пропасти. Но одно становилось очевидным: дни ее сочтены. Современники отмечали, что с 1915 г. «...наверх стали пробираться подлинные проходимцы и жулики, а все те, кто хранил в себе государственную традицию, осуждены были на безнадежные попытки спасти последние остатки русского государственного управления»⁶². Думается, что эта оценка в целом верна, и следует согласиться с Аврехом в том, что «на правительственную авансцену вышли фигуры, являвшие готовые объекты для исследования криминалистами, психиатрам, комедиографам»⁶³. Действительно, когда в февральские дни 1917 г. рабочие и солдаты

«автоматически» вышли на улицы Петрограда, «...многим из них, – отмечает Г. З. Иоффе, – власть уже представлялась монстром или карикатурой. Ее практически никто не хотел или уже не мог защищать...»⁶⁴

Примечания

- 1 Подробнее см.: *Варфоломеев Ю. В.* «Прокаженная дворцовая камарилья»: расследование деятельности «темных сил» Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2010. Т. 10, вып. 1. С. 3–15.
- 2 См.: Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной Комиссии Временного Правительства: в 7 т. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 252.
- 3 Там же. С. 250.
- 4 Там же. С. 252.
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 281.
- 7 *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 340.
- 8 Там же. С. 26.
- 9 *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 82.
- 10 Падение царского режима. Т. 6. С. 282.
- 11 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Париж, 1933. С. 123.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 См.: *Шацилло К. Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103–116.
- 15 *Аврех А. Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. М., 1990. Вып. 118. С. 87. В то же время А. Я. Аврех, ссылаясь на выводы А. Л. Сидорова, вынужден был уточнить, что тот «...не успел опубликовать результаты своего исследования, изложив его лишь в устном докладе на одном из научных заседаний в Институте истории АН СССР» (Подробнее см.: *Аврех А. Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства... С. 100).
- 16 За В. А. Сухомлиновым действительно закрепилась репутация легкомысленного человека. Правда, связано это было с его романтическими увлечениями и расстройством денежных дел, но никак не со служебной деятельностью.
- 17 *Завадский С. В.* На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916/17 годах) // Архив русской революции: в 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 46–47.
- 18 Там же. С. 44–45.
- 19 *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. С. 80.
- 20 *Мельгунов С. П.* Воспоминания. Дневники. М., 2003. С. 291. Запись в дневнике от 1 сентября 1917 г.
- 21 Следователь Ф. П. Симсон не принимал участие в расследовании дела В. А. Сухомлинова, поэтому в данном случае его мнение можно отнести к досужим домыслам стороннего наблюдателя.
- 22 *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 538.
- 23 *Блок А. А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 92.
- 24 Там же.
- 25 Рамоли (фр. ramoli) – старчески расслабленный, впавший в слабоумие человек.
- 26 *Блок А. А.* Записные книжки. С. 327.
- 27 *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 59.
- 28 *Аврех А. Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства... С. 92.
- 29 *Блок А. А.* Указ. соч. С. 327.
- 30 Падение царского режима. Т. 3. С. 305.
- 31 Там же. С. 305–306.
- 32 Там же. Т. 3. С. 310.
- 33 Там же.
- 34 Там же. Т. 6. С. 358.
- 35 Цит. по: Падение царского режима. Т. 6. С. 358.
- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 Там же. Т. 7. С. 141–142.
- 39 Там же. Т. 6. С. 150.
- 40 Там же. С. 293.
- 41 Там же.
- 42 Подробнее см.: *Варфоломеев Ю. В.* Г. Е. Распутин и «Распутиниада» в судьбе России нач. XX в. (По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 2. С. 34–40.
- 43 Падение царского режима. Т. 6. С. 151.
- 44 Там же. С. 151–152.
- 45 Там же. С. 152.
- 46 Там же.
- 47 Там же. С. 293.
- 48 Там же. Т. 6. С. 294.
- 49 Там же. Т. 7. С. 139.
- 50 Там же. С. 142.
- 51 Там же. С. 143.
- 52 Там же.
- 53 Там же.
- 54 Там же. Т. 6. С. 293.
- 55 Там же. Т. 7. С. 143.
- 56 Там же. С. 144.
- 57 Там же. С. 145.
- 58 Там же. Т. 7. С. 152.
- 59 Там же. С. 146.
- 60 Там же. Т. 7. С. 38.
- 61 Там же. С. 39.
- 62 *Нольде Б. Э.* Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж, 1930. С. 549.
- 63 *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. С. 40.
- 64 *Иоффе Г. З.* «Распутиниада»: Большая политическая игра // Отечественная история. 1998. № 8. С. 105.